

К о р е й Р о с с

ВОСТОЧНЫЕ НЕМЦЫ И БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года*

За несколько дней до роковой ночи 12–13 августа 1961 года, когда внешние рубежи Западного Берлина опутали кольца колючей проволоки, руководитель Социалистической единой партии ГДР (СЕПГ) Вальтер Ульбрихт в весьма сильных выражениях пожаловался Никите Хрущеву на невыносимые трудности, которые создает проницаемость границы между восточным и западным секторами Берлина для всего восточногерманского социализма:

Ситуация, вызванная открытостью границ, блокировала принятие с нашей стороны адекватных мер для устранения непропорциональности в структуре заработной платы и создания правильного соотношения между зарплатами и трудом. <...> Проще говоря, открытость границы заставляла нас повышать стандарты жизни быстрее, чем позволяли возможности нашей экономики. <...> У нас, разумеется, возникли те же трудности с переходом к системе сельскохозяйственных кооперативов, как и в других странах народной демократии. Но нельзя упускать из внимания тот факт, что некоторые вещи у нас осуществить гораздо труднее. <...> Во всех остальных странах народной демократии, где границы закрыты, политические и экономические решения реализовывались проще, чем у нас при наших текущих обстоятельствах¹.

Это было только одно из целой серии тревожных писем 1960–1961 годов. Пока Ульбрихт слал многочисленные предостережения Кремлю, массовое бегство населения на Запад обошлось Германской Демократической Республике в миллиарды: один ущерб производству оценивался в сумму от 2,5 до 3 миллиардов марок. Таким образом, столь настойчиво заявлявшаяся цель превзойти ФРГ по уровню производства становилась совершенно недостижимой; насущная задача состояла теперь в том, чтобы ограничить экономический урон, в частности, сдерживая бегство населения на Запад. Летом 1961 года Ульбрихт начал предупреждать Москву о том, что ГДР находится на грани экономического коллапса и не может выйти из порочного круга все увеличивающейся эмиграции и спада производства².

Нам сейчас трудно судить, насколько точными или преувеличенными были эти данные. Мрачные предсказания Ульбрихта прагматически были направлены на то, чтобы мобилизовать на поддержку другие страны — участницы Варшавского договора для блокирования границы с Восточным Берлином. Конечно, в интересах руководства СЕПГ было изображать воздействие открытой границы в самых мрачных тонах. Какие бы оценки историки ни давали экономическому положению ГДР летом 1961 года, все они сходятся в том, что, как Ульбрихт и указывал Хрущеву, открытая граница мешала реализации ключевых общественно-политических задач СЕПГ. Принято считать, что возможность в любой момент уехать на Запад «предотвращала введение в стране сталинистской политики в самой

* Перевод выполнен по изданию: Journal of Contemporary History. 2004. Vol. 39 (1). P. 25–43. © 2004 SAGE Publications, London, Thousand Oaks, CA, and New Dehli.

суровой ее форме» и что воздвижение границ между секторами Берлина стало критическим поворотом в истории ГДР и даже «подлинным основанием социалистической государственности»³.

В этой статье мы попытаемся исследовать границы применимости этого тезиса. Мы считаем, что закрытие границы с Западным Берлином было центральной точкой разрыва в политической, экономической и социальной истории ГДР. Возведение Стены отметило начало периода большей внутренней и внешней стабильности ГДР и весьма сильно способствовало росту экономики ГДР в 1960-е, положив конец оттоку рабочей силы и увеличив контроль государства над рынком труда и валюты. Однако нас интересует в большей степени то, как возведение Стены повлияло на отношения общества и государства на самом низком, «массовом» уровне. Мы обратим внимание на то, как простые люди восприняли закрытие границы и в какой мере Стена расширила возможности СЕПГ в реализации ее главных общественно-политических целей. Начнем мы с рассмотрения внутренних проблем, которые руководство СЕПГ пыталось решить с помощью закрытия границы, а затем попытаемся проанализировать непосредственный ответ населения на эти события, а также более долгосрочное влияние, которое они оказали на способность режима осуществлять свою власть над основной частью населения страны.

1

Строительство Берлинской стены стало кульминацией одного из центральных кризисов «холодной войны» конца 1950-х — начала 1960-х годов; на его международной политической предыстории мы сейчас останавливаться не будем. В свете нашей темы стоит только отметить, что, как показывают исследования открытых на этот момент архивов ГДР, патовая ситуация, последовавшая за неудачей хрущевского ультиматума 1958 года о политическом статусе Западного Берлина, была преодолена прежде всего действиями восточногерманского руководства, которое пыталось форсировать решение кризиса прежде всего из-за целого ряда неотложных внутренних проблем⁴.

Внутри ГДР годы, предшествовавшие возведению Стены, характеризовались общим ощущением социального кризиса. Вероятно, самой серьезной и самой распространенной проблемой — во всяком случае, по мнению населения — был растущий дефицит потребительских товаров. Хотя СЕПГ летом 1958 года бодро заявила, что ее «главной задачей» является обогнать ФРГ по потреблению основных товаров к концу 1961 года, ко второй половине 1959 года проблема обеспечения необходимого запаса потребительских товаров встала чрезвычайно остро. Эта ситуация побуждала простых граждан делать невыгодные сравнения со все возрастающим богатством соседнего капиталистического мира (и при этом с иронией вспоминать о «главной задаче» СЕПГ). Отчеты, которые направлялись в Центральный комитет, ярко свидетельствуют об озлоблении простых людей и почти повсеместном скепсисе (отмечавшемся даже среди «ведущих должностных лиц в сфере экономики») по отношению к назойливо повторяющемуся лозунгу обогнать капиталистическую Германию. Широкая пропаганда успехов советской космической программы только обостряла народное недовольство: простые люди возмущались называвшимися в газетах огромными суммами, потраченными на будущий полет на Луну, в то время как им не хватало самых простых предметов потребления⁵. В ответ на изве-

ствия о новых успехах в покорении космоса народ сочинил популярную частушку, ходившую в ГДР в конце 1959 года: «Ohne Butter, ohne Sahne, auf dem Mond die rote Fahne» («Нет ни сметаны, ни масла — на Луне развевается красный флаг»). В коммюнике Политбюро от 19 января 1960 года, посвященном дефициту «тысячи мелких товаров повседневного спроса», ничего не было сказано о том, как можно было бы решать эту проблему, — даже наоборот, появление этого документа привело к росту недоверия со стороны общества, поскольку люди стали проводить самую прямую связь между проблемами снабжения и действиями политических элит⁶.

Одной из главных и первостепенных причин дефицита товаров считали форсированную коллективизацию сельского хозяйства, проводившуюся в последние месяцы 1959-го и начале 1960 года. «Сельскохозяйственные производственные кооперативы» (СХПК, *Landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaft*, LPG), которые должны были стать основой всего сельского хозяйства ГДР, а при организации на местах встречали пассивное сопротивление, были постоянной «головной болью» партийного руководства. Коллективизация сельского хозяйства впервые была названа важнейшим приоритетом государственной политики на II конференции СЕПГ (июль 1952 года), поскольку она должна была стать одной из важнейших ступеней дальнейшего «построения социализма» в стране. Согласованная кампания, целью которой было убедить крестьян основывать СХПК или вступать в них, имела весьма небольшой успех: ей мешали не только державшиеся за свою независимость фермеры, но и ненадежные сельские функционеры — они вовсе не рвались проводить политику партии во вверенных им деревнях. Приняв более мягкую линию под давлением угрожавших режиму демонстраций 16—17 июня 1953 года, в конце 1950-х годов руководство страны возобновило жесткую политику коллективизации. Тотальное наступление на независимых фермеров, начавшееся осенью 1959 года, и так называемая «социалистическая весна» 1960 года вызвали в деревнях упорное сопротивление. Как и следовало ожидать, многие фермеры просто уехали на Запад⁷.

Проблемы продолжились и после того, как в апреле 1960 года правительство официально объявило о завершении коллективизации. Конечно, многие члены партии и большинство сельских функционеров и сами были крайне пассивно настроены по отношению к кампании по коллективизации. Например, в деревне Рейтвейн около Зеелова члены новообразованного СХПК «Единство», включая управляющих, открыто «выражали возмущение теми методами», которые использовались для принуждения к коллективизации⁸. Поэтому фермеры зачастую просто продолжали работать так, как раньше, до формального установления коллективного землевладения.

К лету 1961 года многие колхозы не имели ничего, кроме названий. Новая волна народного недовольства делала насущной угрозой отъезда «несогласных» на Запад после того, как тема коллективного хозяйствования была снова поставлена на повестку дня. Группа непокорных фермеров из-под Беескова заявила всего лишь за три недели до возведения Стены: «Мы больше не хотим слышать слово *социализм*, оставьте нас в покое. Уже многие уехали из страны, так что для нас осталось достаточно места»⁹.

Тем временем нескончаемые попытки СЕПГ поднять производительность труда на заводах были ненамного более успешными. Несмотря на то что предпринимались постоянные усилия увеличить количество продукции через реформирование системы заработной платы и введение «социалистического соревнования», фундаментальное отсутствие явных стиму-

лов к работе и постоянная нехватка квалифицированных рабочих ставили режим перед необходимостью бороться с нарушениями трудовой дисциплины и с инфляцией, вызванной повышением заработной платы. Руководители СЕПГ извлекли уроки из предыдущего опыта силового решения вопроса: призрак июня 1953 года препятствовал любым попыткам решить проблему производительности труда, особенно потому, что границы были открыты. Менее «лобовые», завуалированные меры решения этой проблемы в 1950-е годы оказались не особо действенными — не в последнюю очередь потому, что большинство директоров заводов опасались доводить недовольство в цехах до открытого конфликта, чтобы поддерживать адекватное предложение труда. И рабочие, и сами директора еще с середины 1950-х годов прекрасно знали о том, что существует острый дефицит рабочей силы, и соответствующим образом вели себя при неформальных переговорах об оплате. Такие проблемы, как «тяжелые» нормы выработки, сдельная оплата труда или бонусы, часто решались на месте через неформальные механизмы урегулирования конфликтов¹⁰. Возможности партийного руководства контролировать эти процессы на уровне цехов были, однако, весьма ограничены.

Периодические попытки повысить авторитет власти могли иметь и прямо противоположный эффект. Первой такой попыткой было учреждение в конце 1950-х годов «социалистических бригад» в цехах (по образцу советских «ударных бригад» 1920—1930-х): эти бригады должны были способствовать повышению производительности труда, но рабочие быстро превратили их в форум для переговоров с дирекцией завода. Несмотря на то что в 1960 году СЕПГ обрушилась на эти бригады с репрессиями, продолжавшаяся нехватка квалифицированной рабочей силы, в особенности усиливавшаяся благодаря постоянному оттоку людей на Запад, означала, что проблемы завышенного уровня зарплат, недостаточного роста производительности труда и неформальных договоренностей на уровне фабрики все еще оставались неразрешенными¹¹.

Во всех этих сферах всеобъемлющая проблема «бегства из республики» (*Republikflucht*) усугубляла и без того тяжелое положение партийного руководства. По оценкам исследователей, число покинувших ГДР между 1949 и 1961 годами составляло приблизительно 2,7 миллиона человек. Хотя и власти ФРГ, и власти ГДР пытались представить причины массового бегства как политические — называя это явление соответственно «выбором свободы» или «предательством социализма», — материальные факторы, бесспорно, играли здесь первостепенную роль. Западногерманское «экономическое чудо» 1950-х манило множество восточных немцев, особенно молодых и относительно мобильных, в частности квалифицированных рабочих, инженеров и техников, на которых был большой спрос. Западногерманский Закон о компенсации ущерба, причиненного войной (*Lastenausgleichsgesetz* [принят 14 августа 1952 года]), также привлек множество восточных немцев, ранее выселенных с восточных территорий Рейха. В северных районах ГДР, где были сконцентрированы эти вынужденные переселенцы, по данным отчетов, многие рассматривали ГДР как перевалочный пункт по пути на Запад¹². Кроме того, перспективы карьерного роста для жителей ГДР в большой степени были связаны с их социальным происхождением; угроза, которую это создавало для молодых людей из семей профессионалов или среднего класса, была для родителей дополнительным стимулом к тому, чтобы вывезти семью на Запад.

Проблемы, которые возникали в связи с открытостью границ, не ограничивались теми, кто уезжал навсегда. Так называемые гренцгэнгеры (*Grenzgänger*) — приблизительно 60 000 человек, проживавших в Восточном Берлине или социалистических пригородах Берлина, но работавших в Западном Берлине, — не только наглядно демонстрировали утечку рабочей силы из ГДР, но воспринимались властями еще и как люди, несправедливо использующие государственные пособия и подпитывавшие черный рынок валюты, поскольку они могли обменять заработанные на Западе деньги по очень выгодному неофициальному курсу, а при этом платили за жилье, коммунальные услуги и еду по низким восточногерманским тарифам. Привлекательность получения западногерманских зарплат и покупки товаров по восточногерманским ценам заставляла СЕПГ периодически осуществлять репрессивные меры — полицейские санкции, публичное осуждение, — которые должны были воспрепятствовать трудоустройству восточных немцев в Западном Берлине, однако это не давало почти никакого эффекта¹³. Почти то же самое можно сказать о соблазне западного потребления: торговцы и мастера со всего Восточного Берлина и Бранденбурга ездили в Западный Берлин за дефицитными бытовыми товарами или запчастями для автомобилей. И что особенно важно, проницаемость границ между секторами рассматривалась как подрывающая национальную безопасность, поскольку она мешала социалистическому режиму призывать молодых людей в армию. Призывные кампании 1950-х годов оказались «спусковым крючком» для массовой эмиграции целых поколений молодежи; существуют даже отчеты о том, что некоторые юноши на время уезжали на Запад просто для того, чтобы по возвращении их сочли политически неблагонадежными для службы в Национальной народной армии¹⁴.

Еще одной проблемой для руководства СЕПГ стали постоянные поездки молодежи в Западный Берлин для приобретения модной одежды, новейшей музыки и фильмов. Западные книжки по 30 пфеннигов (обычно вестерны, шпионские детективы или любовные романы) были чрезвычайно популярны, несмотря на то что таможенная служба регулярно конфисковывала эту «низкопробную и грязную литературу». Еще большей популярностью пользовались американские фильмы, которые крутили в так называемых «пограничных кинотеатрах» — на улицах западного сектора по соседству с КПП. Вместе с «гнусным» влиянием рок-музыки (*beat music*), которую транслировали почти на всю территорию ГДР радиостанции Западной Германии и Западного Берлина, все эти разнообразные формы западного образа жизни не только высмеивались в ГДР как образчики американской «антикультуры», но рассматривались как самая настоящая «психологическая война», «моральное и духовное отравление... молодежи». Когда значительная часть «уличной молодежи» и «хулиганов» стала следовать западной культурной моде, сделав американский стиль основой своего нонконформизма, это лишь укрепило партийных лидеров в мысли о том, что западная поп-культура прочно связана с молодежной преступностью и асоциальным поведением¹⁵.

Несмотря на многочисленные слухи о скором изменении статуса границы, ее закрытие в ночь с 12 на 13 августа 1961 года застало большинство во-

сточных немцев врасплох. Это было слишком непохоже на прежние нерешительные и неэффективные попытки режима контролировать перемещения через границу: закрытие границы было заранее хорошо спланировано и осуществлено чрезвычайно оперативно. Большинство берлинцев проснулись 13 августа и обнаружили, что им теперь остается только ждать, что будет дальше.

По мере того, как с утра эта новость постепенно распространялась — 13 августа было воскресенье, когда пересечь границу с обеих сторон попытались всего несколько рабочих и торговцев, — самым непосредственным ответом на новый порядок стали шок, неуверенность и страх возможного военного конфликта. Как считал газетчик с Димитровштассе, «они (западные власти. — К.Р.) с этим мириться не будут, они могут теперь взорвать нашу городскую железную дорогу»¹⁶. Хотя суровость нового пограничного режима была беспрецедентной и в этом смысле явилась неожиданной для большинства жителей Восточного Берлина, само закрытие границ между секторами не было чем-то радикально новым. Несколько недель граница была закрыта после волнений 16 и 17 июня 1953 года, были и более ранние попытки контролировать все передвижения в Западный Берлин. Колючая проволока все еще казалась многим временной мерой, и первоначально никто не знал, что ей суждена очень долгая жизнь.

Однако по мере того, как день разгорался, люди начинали все больше возмущаться. Около полудня были отмечены первые «негативные и крайне агрессивные» реакции: «Это не демократия и не свобода, если нельзя посетить родственников...», «Эти меры — самое неприятное из того, что я видел в своей жизни...» и т.п.¹⁷ Тот факт, что отряды военных стояли спиной к Бранденбургским воротам, направив оружие в сторону Восточного Берлина, немедленно навел людей на сравнения с тюрьмой или концентрационным лагерем и явно противоречил официальным объяснениям, согласно которым закрытие границы было произведено для того, чтобы предотвратить вторжение на территорию страны «капиталистических империалистов». В середине дня сотни людей, прежде всего молодежь, собрались у разных КПП, чтобы выразить свой протест. У КПП на Брюнненштрассе толпа приблизительно из 400 человек стала «провоцировать» пограничников свистом и оскорблениями: «И вы называете себя немцами? Мы требуем свободных выборов! Берлин всегда был единым»¹⁸. В донесениях говорится также о нападениях на партийных агитаторов и о большом числе предполагаемых «provokatorov», пытавшихся призывать к беспорядкам, и об общем негодовании по поводу закрытия границы. Но для массовой реакции первых часов нового пограничного режима характерно то, что и на агитаторов, и на «provokatorov» большинство людей реагировали «спокойно», отказываясь как-либо оценивать происходящее¹⁹.

В следующие дни отношение простых людей к закрытию границы, особенно в районах, прилегающих к Западному Берлину²⁰, оставалось преимущественно враждебным. Неодобрение выражалось на разных уровнях, от гнева по поводу углубившегося разделения Германии, до опасений, что новые события могут спровоцировать третью мировую войну. Зафиксированы и более непосредственные реакции, например на невозможность посетить родственников, магазин или кинотеатр на Западе. Попытки СЕПГ изобразить строительство Стены как признак силы, а не слабости воспри-

нимались как оскорбление здравого смысла. Как заметил один врач, всем было совершенно понятно, что «колокую проволоку размотали потому, что мы готовы уже были сорваться с привязи»²¹. Хотя природа этих «внутренних» исторических источников не позволяет точно определить, какое количество людей поддерживали, а какое — не одобряли закрытие границы, совершенно очевидно, что последних было многократно больше, чем первых. Кажется, один профсоюзный функционер даже осмелился предположить, что «девяносто процентов населения — против принятых мер»²². Встречая повсеместную враждебность, многие партийные чиновники низшего уровня и профсоюзные функционеры внезапно «заболели» и/или скоропалительно подали в отставку²³.

Но, несмотря на столь явное народное неодобрение, не было ни крупных протестных акций, ни организованных демонстраций. Как мы видим, противодействие канализировалось только в небольших, изолированных акциях протеста. Несмотря на слухи о всеобщей забастовке, в течение недели было отмечено только несколько остановок предприятий — забастовки эти были неорганизованными и связанными преимущественно с удовлетворением материальных требований. Учитывая страх суровых наказаний, может быть, более выразительным показателем массовых настроений были различные анонимные формы протеста, прежде всего промышленный саботаж, который стремительно вырос от шести случаев во втором квартале 1961 года до восьмидесяти трех — в третьем²⁴. И, в общем, не оправдались первоначальные надежды на то, что «положение в ближайшие дни изменится»²⁵.

Можно отметить целый ряд факторов, которые внушали оппозиции нерешительность по отношению к новому пограничному режиму. Конечно, явная угроза применения силы в значительной степени заблокировала открытый протест. Не в пример опыту 17 июня 1953 года полиция, заводские охранники, партийные агитаторы и армия выполняли свои задачи слаженно и эффективно. В период усиления политических репрессий с 13 августа до 4 сентября более 6 000 человек были арестованы²⁶. Более того, многие граждане Восточной Германии слишком боялись неблагоприятных последствий закрытия границы, чтобы думать о чем-либо еще. Широко распространившиеся слухи о неизбежной войне, а также о возможной денежной реформе подстегнули волну панической скупки всех товаров в магазинах в продолжение последующих двух недель²⁷.

Многие поверили в то, что закрытие границы позволит решить проблемы восточногерманской экономики, и это позволило несколько смягчить массовое неодобрение. Гренцгенгеры и валютные спекулянты были нелюбимы в народе, с ними связывали падение жизненного уровня, и тот факт, что им теперь придется получать обычную восточногерманскую зарплату, встречал заметное одобрение. Наконец, ввиду прежних попыток контролировать пересечение границы, казалось возможным думать, что колокая проволока может исчезнуть в течение нескольких недель²⁸. Хотя многочисленные фотографии и кинокадры людей, выпрыгивающих из окон или пытающихся прорваться через заграждения, ясно свидетельствуют об охватившей людей панике или, по меньшей мере, о чувстве, что пережить кризис в Западном Берлине «на всякий случай» будет благоразумнее, — постоянный статус «закрытой» границы, по-видимому, стал понятен только постепенно, в течение следующих дней и недель.

Но можем ли мы сказать то же самое о социальных последствиях возведения Стены? Насколько непосредственным было ее влияние на политику режима в отношении масс? Конечно, руководство СЕПГ восприняло новую ситуацию как огромное благодеяние и сразу же стало извлекать из нее преимущества, преследуя предполагаемых «внутренних врагов» всех мастей. Кроме волны арестов, прокатившейся по стране начиная с 13 августа, был принят новый закон, предусматривавший отправку в исправительные лагеря всех «нетрудовых элементов»²⁹. Но как мы сейчас увидим, закрытие границы позволило лишь очень постепенно решать некоторые описанные выше проблемы. По большей части изменения были не мгновенными, а в некоторых случаях Стена только цементировала назревшие, но нерешенные проблемы.

То, что около 60 000 жителей ГДР в буквальном смысле за одну ночь, в результате закрытия границы, лишились работы, поставило проблему гренцгенгеров в ряд первоочередных. Были учреждены специальные органы регистрации, чтобы определить людей на новые места работы в соответствии с их навыками и опытом. Руководство СЕПГ не просто предполагало, что такая вынужденная «трудовая миграция» облегчит проблемы нехватки рабочей силы, но также и надеялось, что гренцгенгеры принесут элементы «капиталистической» трудовой этики на «народные» предприятия. Но усилия по интеграции гренцгенгеров в экономическую жизнь ГДР натолкнулись на ряд проблем. Прежде всего большинство гренцгенгеров стали сразу требовать, чтобы новые рабочие места соответствовали их квалификации, находились недалеко от дома и давали возможность выбора удобной для них смены. Такие установки едва ли способствовали их интеграции на новых местах работы, где старые сотрудники, в свою очередь, нередко требовали, чтобы гренцгенгерам не позволяли осуществлять карьерный рост «без очереди»: по мнению «трудящегося большинства», они должны были, как и другие рабочие, начать свою трудовую карьеру с самых низов, несмотря на тот опыт, который приобрели в Западной Германии. Более того, надежды СЕПГ на рост производства сбылись лишь отчасти. Хотя, конечно, трудовая «ассимиляция» гренцгенгеров в ГДР до некоторой степени решила проблему нехватки трудовых ресурсов, но попытки приспособить для собственных целей привезенную ими с капиталистического Запада более высокую (как считалось) трудовую этику зачастую в корне пресекались их новыми коллегами на социалистических предприятиях. Как сообщали в своем донесении руководители профсоюза берлинского района Трептов, гренцгенгеров быстро переманили на свою сторону восточногерманские рабочие, и они говорили: «Здесь мы работаем не по-капиталистически, а вполне по-социалистически (то есть медленно)»³⁰.

Осенью 1961 года партийное руководство предприняло решительный шаг, попытавшись вновь повсеместно повысить нормы выработки — а ведь на эту меру оно не решалось с июня 1953 года. Принятие так называемых «производственных обязательств» (или «трудовой вахты», *Produktionaufgebot*) и повышение нормы выработки на 15% обозначило начало решительного наступления на нарушителей трудовой дисциплины на госпредприятиях. Конечно, момент был выбран едва ли не самый неподходящий: рабочие сразу уловили связь между закрытием границы и «борьбой за производительность»: «Они и закрыли границу 13 августа, чтобы пере-

смотреть нормы выработки и заморозить зарплату»³¹. Хотя осенью 1961 года не произошло более крупных, чем летом, забастовок, тем не менее на заводах проявлялись многочисленные признаки недовольства и скрытой оппозиции, в диапазоне от так называемого «индустриального саботажа» в третьем квартале 1961 года до роста числа прогулов и несанкционированных перерывов в работе. Те немногие активисты и партийные деятели, которые брали на себя осуществление «производственных обязательств», высмеивались как виновники уменьшения зарплат — при любой возможности им старались ставить палки в колеса³². Следует отметить, что и число зарегистрированных забастовок в ГДР выросло со 135 в 1961 году до 144 в 1962 году³³.

Столкнувшись с упорным недовольством, многие директора заводов и деятели профсоюзов стали относиться к «производственным обязательствам» столь же легкомысленно, как и работники цехов. Несмотря на прекращение массовой эмиграции, низкое предложение на рынке труда в ГДР позволяло рабочим высокой квалификации, уволившимся в связи с введенными нормами, найти себе новую работу без особого труда. А значит, и главный побудительный стимул политики «производственных обязательств» (см. ее лозунг «Производить больше за то же время и за те же деньги») воспринимался многими руководителями предприятий как дело рискованное, поскольку они привыкли к показухе и этот навык лишь усиливался структурой плановой экономики. В результате многие директора считали наилучшим для себя выходом просто перетерпеть новую ситуацию, не проводя на производстве никаких перемен, помимо самых необходимых.

Возведение Стены и принятие репрессивных законов, которое за этим последовало, гораздо в большей степени повлияло не на промышленность, а на сельское хозяйство, хотя процесс изменений занял значительное время. Примерно через три недели после закрытия границы Министерство сельского хозяйства сообщало, что «меры, принятые 13 августа 1961 года, позволили достичь стабилизации в (коллективных) хозяйствах, хотя ситуация в индивидуальных хозяйствах по-прежнему весьма отличается». К началу декабря Штази (служба государственной безопасности ГДР. — *Ред.*) и полиция уверенно заявляли, что «после введения мер 13 августа борьба за чистоту, порядок и коллективный труд — основы экономики СХПК — привела к определенным успехам»³⁴. Хотя на селе и были некоторые признаки улучшения ситуации, но в целом эти заявления явно выдавали желаемое за действительное. Экономическая сторона деятельности СХПК, около половины из которых завершили 1961 год с невозвращенными долгами, вряд ли способствовала уменьшению недовольства режимом и его сельскохозяйственной политикой. Более того, падение зарплаток многих фермеров в период массовой коллективизации усугубилось еще и необычно суровой зимой 1961/62 года. Так, общее настроение в деревне Пессин, расположенной недалеко от границы с Западным Берлином, описывалось в самых черных тонах: «Если бы открыли границу, то в течение 24 часов деревню покинули бы все, включая секретаря парторганизации и председателя сельсовета»³⁵. Последний этап ликвидации частных хозяйств завершился к концу 1962 года, а колхозная система стабилизировалась только к середине 1960-х годов.

Пожалуй, единственный заметный успех режима при закрытии границы был связан с обеспечением призыва в армию, хотя и эту задачу удалось

решить только через несколько месяцев. После многих лет удручающих показателей призыва закрытие границы внушило надежды и правящей партии, и Национальной народной армии. 16 августа, то есть спустя всего три дня после закрытия границы, комсомол ГДР (Организация свободной немецкой молодежи, FDJ) опубликовал алармистское воззвание, озаглавленное: «Родина зовет! Защитим социалистическую республику!» Но, несмотря на постоянные утверждения о «фундаментальном повороте в политике призыва» после строительства Стены, это обращение, похожее, оставило всех равнодушными. Начальники на призывных пунктах выслушивали те же самые аргументы, что и в 1950-е годы: «Я пойду в армию, только если введут всеобщую воинскую повинность», «Мы никогда не будем стрелять в наших западных братьев», «Мы больше не возьмем в руки оружие». Хотя число новобранцев после принятия Закона об обороне 20 сентября 1961 года и возросло, было понятно, что количественный рост был прежде всего следствием репрессивных мер: угроз увольнения с работы, штрафов и даже арестов. Более того, главным результатом такого чрезмерного рвения стал параллельный рост крайне лицемерных деклараций о согласии поступить на военную службу. Так, в Эрфурте только 181 из 1432 молодых людей, согласившихся пойти в армию, действительно это сделали, призывные учреждения Магдебурга аналогичным образом сумели поставить войскам только 209 из 1835 записавшихся³⁶. В довершение ко всему, призыву препятствовали директора заводов, которые выказывали «полное пренебрежение» проблемами национальной обороны. Многие хотели удерживать своих молодых и эффективных сотрудников на рабочих местах, увеличив им зарплату или добиваясь для них разнообразных отсрочек или даже полного освобождения от призыва³⁷. Не опасаясь более всеобщей эмиграции молодежи, правительство ввело обязательную воинскую повинность 24 января 1962 года.

Но легче было контролировать молодых людей, чем реально их убедить. Отчеты, поступающие в Центральный комитет, не оставляют сомнений в том, что наибольший потенциал протестных настроений власть видела в молодежной среде. Молодежь в возрасте от 15 до 25 лет, по крайней мере в Берлине и в пригородах, гораздо больше, чем другие возрастные группы, участвовала в различных акциях открытого протеста против нового пограничного порядка. Согласно отчетам, вечером 13 августа все рестораны и кафе в центре Восточного Берлина заполнились молодыми людьми, которые бурно обсуждали, что делать дальше. Они основывались на разного рода «ложных сведениях» и «пропагандистских доводах», почерпнутых из передач радиостанции, вещавшей в американском секторе оккупации: «Все это мне уже невмоготу», «Теперь нужно вообще не выходить на работу», «Они там (на Западе. — К.Р.) делают все как надо, а у нас порядок может держаться только на танках». Несколько молодых компаний договорились встретиться позднее, уже ночью, на пограничных переходах, и попытаться объединенными усилиями прорваться через границу. Хотя СЕПГ стремилась максимально политизировать — а в ряде случаев и криминализировать — такие проявления протеста, кажется очевидным, что недовольство молодежи закрытием границ было прямым следствием резкого сокращения перспектив устройства собственной жизни и досуга. Как сообщается в одном из донесений 14 августа, «молодежь часто критикует наши меры гораздо более открыто, чем другие группы населения, и довольно быстро переходит от жалоб на невозможность посетить родствен-

ников к реальным причинам своего недовольства — к тому, что они теперь не могут посещать кинотеатры в Западном Берлине»³⁸.

Хотя приграничные кинотеатры теперь и оказались вне пределов досягаемости, западные радио и телевидение продолжали оказывать «тлетворное влияние» на молодежь ГДР. В ответ комсомол ГДР организовал в сентябре операцию «Бойкот вещанию НАТО!», призывая всех восточных немцев подписать обязательство не настраивать свои приемники на западные радиостанции, и, кроме прочего, привлечь около 25 тысяч молодых людей, которые должны были «прочесать» города и перенастроить теле- и радиантенны буквально «в направлении социализма», то есть с запада на восток. Однако эта инсценированная акция не могла никак повлиять на тот факт, что в период после 13 августа комсомол рекордными темпами терял своих членов; всего за несколько недель из него вышли около 300 000 человек, или 9% всех членов организации, причем наибольшие потери понесла комсомольская организация Берлина и округа Потсдам, то есть областей, непосредственно граничивших с Западным Берлином³⁹. И если говорить в целом, постоянное вещание западных СМИ на территорию ГДР означало, что граница, закрытая для людей, была полностью открыта для новостей, идей и различных форм развлечений.

4

Руководство СЕПГ стало тем не менее очень быстро воспринимать закрытие границы как судьбоносный поворот в истории ГДР. Через несколько недель после изменения пограничного режима Ульбрихт конфиденциально писал Хрущеву, что сама атмосфера в ГДР радикально изменилась. Не только рабочие и фермеры стали работать лучше, чем прежде, но и все восточногерманское население якобы внезапно поняло, что

...с ориентацией на Запад покончено и нет никаких альтернатив, кроме ориентации на рабоче-крестьянскую власть и страны социалистического лагеря. Те, кто надеялся на объединение Германии с помощью какого-то немислимого соглашения четырех держав или «уступок с той и с другой стороны», теперь принуждены сделать выводы из случившегося⁴⁰.

Это мнение Ульбрихта, как эхо, повторяется во множестве внутренних донесений, в которых всячески подчеркивалось «примирение» людей с текущей ситуацией, произошедшее от понимания: «...они (СЕПГ. — *К.Р.*) сильнее, чем мы думали»⁴¹. Как говорится в одном из профсоюзных отчетов: «Нас даже удивляет вежливость и сдержанность возражений, которые теперь выдвигают наши коллеги, которые привыкли говорить о своем несогласии с нами в гораздо более резких тонах»⁴².

Возведение Стены стало ключевым моментом во многих отношениях: и для международных связей ГДР, и для внутренней политики. Открытость границы не только делала власть нерешительной в проведении ее политики на самом массовом уровне, но и коренным образом влияла на социально-политическую ориентацию восточных немцев, предоставляя им «последнее убежище» на случай, если государство в своих требованиях зайдет слишком далеко. Следовательно, можно с полным основанием утверждать, что отмена этого альтернативного «выхода» самым решительным образом определила характер отношений между государством и обществом в ГДР. Как

многократно отмечали исследователи, именно невозможность отъезда из ГДР после 1961 года способствовала развитию конформистской политической культуры и появлению в большей степени учитывающего запросы общества — или, по крайней мере, прагматичного — направления в политике восточногерманского руководства 1960—1970-х годов.

Однако среди всех этих перемен было множество силовых линий, которые свидетельствовали о травматичности событий 12—13 августа 1961 года. Закрывание границы означало формирование новой структуры власти в ГДР. Жестокая и во многих отношениях беспрецедентная попытка социального дисциплинирования не могла решить всех проблем, которые руководство СЕПГ приписывало режиму «открытых границ» в своих жалобах Кремлю. Прежде всего, возведение Стены не столько *решило* существующие проблемы, сколько изменило их *конфигурацию*. Например, кампаниям по повышению производительности труда на госпредприятиях весьма способствовало прекращение оттока рабочей силы, однако они остались по большей части бесплодными в силу целого ряда препятствий: хронической нехватки рабочих, отсутствия стимулов как для рабочих, так и для их начальников — в основном это были «родовые пятна» плановой экономики. В результате нелегальные коммерческие отношения на уровне предприятий, сопутствующий им дисбаланс зарплат и объемов производства и низкая производительность труда оставались основной особенностью социалистической промышленности вплоть до падения режима⁴³. Если говорить о положении дел на селе, то Стена только опосредованно послужила осуществлению планов коллективизации. Крестьяне и так были сильно отчуждены от государства, и эта ситуация усугубилась после внезапного и жесткого закрытия границ, когда господствующим стало ощущение невозможности все время плыть против течения⁴⁴. Однако готовность извлечь все выгоды из ситуации странным образом была в немалой степени следствием неудачи, постигшей власть в решении проблемы товарного обеспечения с помощью закрытия границы. Поскольку продолжалась стремительная миграция сельского населения в города, возможности механизации, которые предоставляли СХПК, были для населения очень привлекательны. Эти изменения в сельскохозяйственном и промышленном секторе были, конечно, связаны с более общим парадоксом: после прекращения массовой эмиграции и интеграции гренцгенгеров удалось во многом решить проблему дефицита рабочей силы, но она вскоре снова дала о себе знать после введения всеобщей воинской повинности, которая только и стала возможной с возведением Стены. Таким образом, этот дефицит сохранился, изменился только удельный вес различных его составляющих.

Иными словами, положительные результаты, достигнутые после возведения Стены в одной сфере, могли подрывать усилия режима в другой. Это произошло не только с промышленностью и сельским хозяйством, но и с более масштабным планом завоевания сердец и умов молодежи. Призыв в армию и введение начальной военной подготовки в школах едва ли могли этому способствовать; конечно, большое количество молодых людей оказались навсегда отвращены от коммунистических идеалов благодаря своему армейскому опыту⁴⁵. В то же время прекращение эмиграции на Запад привело к значительному падению социальной мобильности, которая была прежде обусловлена образовательной политикой СЕПГ и массовой эмиграцией профессионалов и квалифицированных рабочих. Рост нового «служилого класса» и резкое сужение жизненных возможностей для поступаю-

щих на работу и привели к доминированию среди представителей младших поколений ощущений стагнации и разочарования; они считали, что навсегда отделены Стеной от внешнего мира и обречены существовать внутри жесткой и косной социальной структуры. На фоне интенсивной милитаризации страны и расставания с надеждами, которые вселял прежний статус оккупированной территории, растущая популярность западной культуры совсем не удивительна. В течение долгого времени режим вынужден был мириться с присутствием западной музыки и западной моды в ГДР⁴⁶.

Какие бы «соглашения» основная масса восточных немцев ни заключала с режимом, на самом базовом уровне руководство СЕПГ не смогло завоевать настоящей народной поддержки. Немногим нравилось заниматься «общественно-политической деятельностью», и, конечно же, борьбу за сердца и умы с самого начала подтачивало само существование Стены как главного символа коммунистической политики принуждения. Хотя партийная организация Восточного Берлина и сообщала, что «число граждан нашей республики, которые пытаются стоять в стороне от нашей политики, резко уменьшилось», такие оптимистические заявления постоянно корректировались предупреждениями о «дезинформации» и «происках врагов». Эти «враждебные выпады» сводятся в основном к мнению, что Стена была построена вовсе не для того, чтобы защитить ГДР от агрессивного западного реваншизма, но чтобы предотвратить бегство ее собственных разочаровавшихся граждан. Поэтому, хотя подавляющее большинство восточных немцев и считали, что жизненный уровень значительно вырос после 1961 года, и приписывали это частично закрытию границы, все равно существовало «видимое противоречие между экономическими достижениями и развитием политической сознательности»⁴⁷.

Все это позволяет нам предположить, что в большей степени ориентированная на общественные запросы политическая культура 1960-х и последующих десятилетий равным образом была следствием как изменившихся ожиданий партийного руководства, так и трансформаций политических взглядов «низов». Иначе говоря, переход от массового скепсиса 1950-х годов к смиренному прагматизму 1960-х был теснейшим образом связан (и в значительной степени предопределен) переходом самой партии от революционного энтузиазма и идеологического догматизма к поиску функциональной эффективности и общественного согласия. Хотя создание консервативной формы потребительского социализма в 1970-е годы было, скорее всего, первой открытой манифестацией этого нового типа власти в ГДР, робкая культурная «оттепель» и ассоциировавшиеся с нэпом экономические эксперименты после 1963 года были просто частью и проекцией «внутренней открытости» ГДР после стабилизации ее внешнего положения⁴⁸.

В заключение, однако, нужно сказать и о том, что даже самая высокая степень трезвого прагматизма и покровительства потребительскому рынку не могла компенсировать ни драмы разделенных Стеной родственников и соседей, ни помещения всего населения страны почти что под домашний арест. Хотя так и остается неясным, спасло ли возведение Стены летом 1961 года ГДР от неминуемого краха, падение социализма после открытия границ между Востоком и Западом сначала в Венгрии, а после и в самом Берлине доказывает невозможность для коммунистического режима существовать без постоянной опоры на такую стену.

Пер. с англ. и нем. А. Маркова

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор благодарит Берлинскую программу <Американского> Совета по исследованиям в области социальных наук (SSRC) и Немецкую службу академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку исследования, в рамках которого и была написана эта статья, а также Пэтрика Майора за приятнейшие дискуссии, которые во многом способствовали оформлению моих размышлений об изучаемых событиях. Материалы статьи были частично представлены в книге: *Ross C. Constructing Socialism at the Grass-Roots: The Transformation of East Germany 1945–1965*. Basingstoke, 2000. Материалы используются с разрешения издателя книги.

- 1 Архивный фонд партий и массовых организаций бывшей ГДР в Федеральном архиве (Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv, далее: SAPMO-BA) DY30/JIV2/202/30 — письмо В. Ульбрихта Н.С. Хрущеву от 4 августа 1961 г. опубликовано в: *Steiner André. Politische Vorstellungen und ökonomische Probleme im Vorfeld der Errichtung der Berliner Mauer. Briefe Walter Ulbrichts an Nikita Chruschtschow // Von der SBZ zur DDR / Hrsg. von H. Mehringer. München, 1995. S. 233–268, цит. S. 263–265.*
- 2 О роли СЕПГ во «втором Берлинском кризисе» см. особ.: *Lemke Michael. Die Berlinkrise 1958 bis 1963. Interessen und Handlungsspielräume der SEP im Ost-West Konflikt. Berlin, 1995; Harrison Hope. Ulbricht and the Concrete «Rose»: New Archival Evidence on the Dynamics of Soviet–East German Relations and the Berlin Crisis 1958–1961 // Cold War International History Project Working Paper, 5 (May 1993).*
- 3 Цит. по: *McCauley Martin. The German Democratic Republic since 1945. Basingstoke, 1983. P. 103; Staritz Dietrich. Geschichte der DDR. Frankfurt am Main, 1996. S. 196.*
- 4 Ср.: *Lemke M. Die Berlinkrise...; Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...*
- 5 14 сентября 1959 года советский автоматический аппарат «Луна-2» доставил на поверхность спутника Земли вымпел с изображением герба Советского Союза и надписью «Союз Советских Социалистических Республик. Сентябрь 1959». — *Примеч. ред.*
- 6 См., например: SAPMO-BA DY30/IV2/5/667, отчет от 12 сентября 1959 г., 14; отчет от 26 ноября 1959 г., 12; отчет 14 ноября 1959 г., 10. SAPMO-BA DY30/IV2/5/983, отчет от 26 ноября 1959 г.; отчет от 8 декабря 1959 г. SAPMO-BA DY34/22230, отчет от 7 ноября 1960 г., 3f. Полный текст коммюнике Политбюро «О тысяче мелких товаров повседневного спроса, их обслуживании и ремонте» («Über die tausend kleinen Dinge des täglichen Bedarfs, Dienstleistungen und Reparaturen») перепечатан в издании: *Dokumente der SED. Vol. VIII. Berlin, 1962. S. 15–20.*
- 7 SAPMO-BA DY30/IV2/13/622, «Анализ побегов в ФРГ в сфере сельского хозяйства», 12 мая 1960 г., fo. 89. Распространенный народный афоризм гласил: «Мы основали колхоз четвертого типа, фермеры ушли на ту сторону, а земля осталась» («Wir gründen eine LPG Typ IV [произносится: Vier], die Bauern drüben, der Boden hier»); SAPMO-BA DY30/7/376, «Развитие кооперативного труда в сельском хозяйстве», без даты, лето 1960 г., 2.
- 8 SAPMO-BA DY30/IV2/2023/61, «Итоговое сообщение», 22 апреля 1960 г., 4. См. также: SAPMO-BADY30/IV2/7/405, fo. 85; SAPMO-BA DY30/IV2/2023/61, «Доклад о бригадном подряде в округе Хальдельслебен в период с 22 марта по 14 апреля 1960 г.», 2; SAPMO-BA DY30/IV2/7/408, «Информация», 23 марта 1960 г., 54.
- 9 SAPMO-BA DY30/IV2/5/672, «Информационное сообщение», 24 июля 1961 г. Главный архив земли Бранденбург (Brandenburgisches Landeshauptarchiv, далее: BLHA), Bez. Pdm. Rep. 404/15, Nr. 27, «Аналитическая записка о положении в

- СХПК – тип I – округ Постдам», 27 сентября 1960 г., fo. 220. BLHA Bez. Ctb. Rep. 930, Nr. 772, «Предложение секретариата», 5 июня 1961 г., без пагинации; SAPMO-BA DY30/IV2/7/376, «Оценка положения и настроения крестьян в отношении главных политических вопросов», без даты, предположительно июль 1961 г., 4.
- 10 См. особ.: *Hübner Peter*. Konsens, Konflikt, Kompromiß. Soziale Arbeiterinteressen und Sozialpolitik in der SBZ/DDR 1945–1970. Berlin, 1995; *Idem*. Balance des Ungleichgewichtes zum Verhältnis von Arbeiterinteressen und SEP-Herrschaft // Geschichte und Gesellschaft. 1993. № 19. S. 15–28; *Idem*. Arbeitskonflikte in Industriebetrieben der DDR nach 1953. Annäherungen an eine Struktur- und Prozeßanalyse // Zwischen Selbstbehauptung und Anpassung / Hrsg. von U. Poppe et al. Berlin, 1995. S. 178–191; *Kopstein Jeffrey*. The Politics of Economic Decline in East Germany, 1945–1989. Chapel Hill, NC, 1997; *Soldt Rüdiger*. Zum Beispiel Schwarze Pumpe: Arbeiterbrigaden in der DDR // Geschichte und Gesellschaft. 1998. № 24. S. 88–109. Здесь цит. S. 93; общие сведения о протестах рабочих см.: *Port Andrew*. The «Grumble Gesellschaft»: Industrial Defiance and Worker Protest in Early East Germany // Arbeiter in der SBZ-DDR / Hrsg. von P. Hübner and K. Tenfelde. Essen, 1999. S. 787–810.
- 11 О бригадах см. особ.: *Roesler Jörg*. Die Produktionsbrigaden in der Industrie der DDR. Zentrum der Arbeitswelt? // Sozialgeschichte der DDR / Hrsg. von H. Kaelble et al. Stuttgart, 1994. S. 144–170; *Idem*. Probleme des Brigadealltags: Arbeitsverhältnisse und Arbeitsklima in volkseigenen Betrieben // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1997. 47/38. S. 3–17; *Idem*. Zur Rolle der Arbeitsbrigaden in der betrieblichen Hierarchie der VEB: eine politik- und sozialgeschichtliche Betrachtung // Deutschland Archiv. 1997. № 30. S. 737–750. См. также: *Hübner P.* «Социалистischer Fordismus?» oder: Unerwartete Ergebnisse eines Kopiervorganges. Eine Geschichte der Produktionsbrigaden in der DDR // Amerikanisierung / Hrsg. von Alf Lüdtke et al. Stuttgart, 1996. S. 96–115; *Idem*. Syndikalistische Versündigungen? Versuche unabhängiger Interessenvertretung für die Industriearbeiter der DDR um 1960 // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung (JHK). Berlin, 1995. S. 100–117; *Soldt R.* Zum Beispiel Schwarze Pumpe... О долгосрочных политических последствиях производственных трудностей на заводах см. специально: *Kopstein J.* The Politics of Economic Decline...
- 12 Федеральный архив Берлина (Bundesarchiv Berlin, далее: BAV) DO1/11/964, «Побег в ФРГ: обобщение данных за отчетный месяц – сентябрь», 2 ноября 1957 г., fo. 193–201.
- 13 Общие замечания о бегстве через границу см.: *Schütrumpf Jörn*. Zu einigen Aspekten des Grenzgängerproblems im Berliner Raum von 1948/49 bis 1961 // Jahrbuch für Geschichte. 1984. № 31. S. 333–358. О попытках ГДР препятствовать работе жителей Восточного Берлина в Западном Берлине с помощью полицейских санкций и пропаганды см.: SAPMO-BA DY30/IV2/12/104 and 107, passim; SAPMO-BA DY34/22230, 22231 and 22677, passim.
- 14 Ср.: *Ross C.* «What about peace and bread?» East Germans and the (Re) Militarization of the GDR, 1952–1962 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1999. Vol. 58. № 1. S. 111–135; *Idem*. «Protecting the Accomplishments of Socialism?»: The Militarization of the GDR // The Workers' and Peasants' State... P. 78–93.
- 15 SAPMO-BA DY30/IV2/16/103, «Тема: негативное влияние Зап. Берлина», 29 января 1959 г. О намеренном смещении западной молодежной культуры с молодежной преступностью см.: SAPMO-BA DY30/IV2/16/90, «Доклад о молодежной преступности и хулиганстве», январь 1960 г., fo. 28–57. О западной «низкопробной и грязной литературе» см.: SAPMO-BA DY30/IV2/16/103, «Примеры того, что делает молодежь в свободное время, на материале молодых рабочих комбината Лойна» (От редакции: Лойна – крупнейший в ГДР нефтехимический комбинат, находился к югу от города Галле), без даты, предположительно 1958 или 1959 г. См. общий очерк: *Poiger Uta*. Jazz, Rock, and Rebels: Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany. Berkeley, CA, 2000; *Ross C.* Constructing Socialism at the Grass-Roots. Ch. 10.

- 16 SAPMO-BA DY34/22677, «Информационное сообщение, 8 часов утра», 6–7. Оригинальный текст документа с комментариями см. в: *Major P.* «Mit Panzern kann man doch nicht für den Frieden sein». Die Stimmung der DDR-Bevölkerung zum Bau der Berliner Mauer am 13. August 1961 im Spiegel der Parteiberichte der SEP // JHK. Berlin, 1995. S. 208–223.
- 17 SAPMO-BA DY30/IV2/5/433, «№ 2: Краткое сообщение о положении с 9.30 до 11.30», 13 августа 1961 г.
- 18 SAPMO-BA DY30/IV2/5/433, «№ 3: Краткое сообщение о положении с 11.30 до 15.14», 13 августа 1961 г., 1. См. также SAPMO-BA DY30/IV2/5/433, «№ 2: Краткое сообщение о положении с 9.30 до 11.30», 13 августа 1961 г.; а также: «№ 5: Краткое сообщение». Таким же было положение на Волланкштрассе, Эберсвальдштрассе и у Бранденбургских ворот. Подобные «провокации» были организованы и в других кварталах в центре Берлина.
- 19 SAPMO-BA DY30/IV2/5/433, «Краткое сообщение о первых мероприятиях и настроениях в связи с реализацией Постановления Совета министров от 12.8.1961», 13 августа 1961 г., 3.
- 20 Из большинства крупных городов в первые дни после закрытия границы сообщали, что обстановка там относительно спокойная. Ср.: *Major P.* Vor und nach dem 13. August 1961. Reaktionen der DDR-Bevölkerung auf den Bau der Berliner Mauer // Archiv für Sozialgeschichte. 1999. № 39. S. 371–400, по данной теме — S. 386–387.
- 21 Цит. по: SAPMO-BA DY34/22677, «Информационное сообщение № 3», 15 августа 1961 г.; «Информационное сообщение № 7/61», 16 августа 1961 г., 4. См. также: SAPMO-BA DY30/IV2/12/107, «Информация о деятельности полицейского руководства (в оригинале — POen, т.е. Polizeioberste. — *Примеч. перев.*) и о настроениях населения в связи с мероприятиями Совета министров», 18 августа 1961 г., 18 August 1961, 6; Ibid., 3–4; DY30/IV2/5/433, «№ 2: Краткое сообщение о положении с 9.30 до 11.30», 13 августа 1961 г.
- 22 SAPMO-BA DY30/IV2/611/65, bl. 226. Напротив, Хайнц Ниман убедительно доказывает, основываясь на опросах общественного мнения в ГДР второй половины 1960-х годов, что только «одобрение большинством населения этой меры» может объяснить, почему «беспрецедентная операция 13 августа 1961 года прошла гладко»: *Niemann Heinz.* Meinungsforschung in der DDR. Die geheimen Berichte des Instituts für Meinungsforschung an das Politbüro der SEP. Köln, 1993. S. 66.
- 23 SAPMO-BA DY34/22677, «Информационное сообщение № 6», 16 августа 1961 г.
- 24 SAPMO-BA DY30/IV2/6.11/65, fo. 294.
- 25 SAPMO-BA DY30/IV2/5/433, «Краткое сообщение № 5 о положении с 15.15 до 20.15», 13 августа 1961 г., 2.
- 26 *Werkentin Falco.* Politische Strafjustiz in der Ära Ulbricht. Berlin, 1995. S. 256, 268.
- 27 Вплоть до 26 августа магазины в округе Коттбус 8–10 раз сообщали о нормальном товарообороте, а банки — 10 раз о нормальной динамике снятия денег со счетов. SAPMO-BA DY34/23769, «Информационное сообщение», 1 сентября 1961 г. См. также серию сообщений: DY34/22232, 22677.
- 28 Cf. SAPMO-BA DY30/IV2/9.02/6, «Идеи, которые циркулируют особенно в среде интеллигенции», 24 августа 1961 г., 8. О чувствах, которые испытывали в ГДР к гренцгенерам, см.: SAPMO-BA DY34/22232, «Информационное сообщение», 14 августа 1961 г., 2; «Информационное сообщение», 16 августа 1961 г., 2; «Информационное сообщение», 17 августа 1961 г., 3.
- 29 *Werkentin F.* Politische Strafjustiz... S. 406–408.
- 30 Земельный архив Берлина (Landesarchiv Berlin, далее: LAB) С Rep. 900, IV/4/07–159, «Информационное сообщение», 9 сентября 1961 г., 24; см. также IV/4/03–106, «Отчет районной комиссии партийного контроля о работе с гренцгенерами на нескольких крупных предприятиях Лихтенберга» (Лихтенберг — район Берлина. — *Примеч. перев.*), 21 декабря 1961 г., 1.

Восточные немцы и Берлинская стена...

- 31 SAPMO-BA DY34/23769, «Информационное сообщение», 13 октября 1961 г.; DY34/22232, «Сообщение о положении с организацией трудовой вахты в Берлине» 19 октября 1961 г.; VLNA Bez. Pdm. Rep. 530, Nr. 1218, «Проект: главные задачи районного управления Организации свободных германских профсоюзов по дальнейшему проведению трудовой вахты», б.д. (середина октября 1961 г.), б.п.; SAPMO-BA DY34/22677, «№ 5: Информационное сообщение о результатах дальнейшего проведения в жизнь трудовой вахты», 21 октября 1961 г.; SAPMO-BA DY30/IV2/5/425, репортаж из пригорода Берлина Потсдама, б.д.
- 32 SAPMO-BA DY30/IV2/6.11/39, fo. 478–82; LAB C Rep. 900, IV/4/03–135, «Работа в условиях производственных обязательств по изготовлению печатных валков и резиновых изделий на BEV», 13 декабря 1961 г., 3; SAPMO-BA DY30/IV2/6.11/65, fo. 294. В третьем квартале было отмечено 83 случая предполагаемого саботажа и 17 пожаров на фабриках ГДР, в сравнении только с шестью случаями саботажа и тремя пожарами во втором квартале года. О мерах по отношению к «срывающим план» рабочим см.: LAB C Rep. 900, IV/4/03–135, «Доклад: производственные обязательства на народном предприятии — подшипниковом заводе “Йозеф Орлош”», 15 сентября 1961 г., б. п.; VLNA Bez. Pdm. Rep. 530, Nr. 1218, «Доклад: доводы, приводимые на заводе BTW», 28 октября 1961 г., б.п.
- 33 SAPMO-BA DY30/IV2/6.11/66, «Аналитическая записка о трудовых конфликтах, которые ведут к стачкам, и о деятельности классовых врагов в 1961 г.», 1 февраля 1962 г., fo. 34; а также fo. 267.
- 34 Цит. по: SAPMO-BA DY30/IV2/7/376, «Оценка развития СХПК после 13.8.1961», 2 сентября 1961 г., fo. 49–62; SAPMO-BA DY30/IV2/7/401, «Положение в сельском хозяйстве округа Потсдам», отчет, составленный Министерством государственной безопасности ГДР и Народной полицией, 1 декабря 1961 г., fo. 187–207.
- 35 SAPMO-BA DY30/IV2/7/401, «Положение в сельском хозяйстве округа Потсдам», fo. 188–190.
- 36 SAPMO-BA DY30/IV2/12/58, fo. 270; см. также «Отчет о призыве юношей в вооруженные силы ГДР за 1961 г.», б.д. Ср. в целом: Ross C. «What about Peace and Bread?»...
- 37 SAPMO-BA DY30/IV2/12/57, «Информационное сообщение о проведенном освидетельствовании призывников в период 3.9.62–26.9.62», fo. 95–102; «Итоговая сводка по проведенному освидетельствованию призывников в период между 15.03.1962 и 31.03.1962», fo. 73–79.
- 38 Цит. по: SAPMO-BA DY30/IV2/5/433, «Краткое сообщение о первых мероприятиях и настроениях в связи с реализацией Постановления Совета министров от 12.8.1961», 13 августа 1961 г.; DY34/22677, «Информационное сообщение № 7», 16 августа 1961 г., 4.
- 39 *Zilch Dorle*. Millionen unter der blauen Fahne. Rostock, 1994. S. 53.
- 40 SAPMO-BA DY30/JIV2/202/130, письмо В. Ульбрихта Н.С. Хрущеву от 15 сентября 1961 г. Цит. по: *Major P.* Vor und nach dem 13. August 1961. S. 397–398.
- 41 SAPMO-BA DY34/22232, «Информационное сообщение», 14 августа; 17 августа 1961 г.; DY30/IV2/5/433, «Информация об отношении в наших научных учреждениях к мерам, принятым 13 августа 1961 г.».
- 42 SAPMO-BA DY34/22232, «Информационное сообщение», 14 августа 1961 г.
- 43 В целом о плановой экономике см. классический труд Корнаи: *Kornai J.* The Socialist System. The Political Economy of Communism. Oxford, 1992. О ситуации в ГДР ср.: *Kopstein J.* The Politics of Economic Decline...; *Hübner P.* Konsens, Konflikt, Kompromiß...
- 44 Cf. SAPMO-BA DY30/IVA2/7/41a, «Некоторые проблемы партийной работы при совещании с руководителями бюро по сельскому хозяйству в администра-

- циях округов и районов», 9 января 1964 г.; DY30/IVA2/7/7, «Информационное сообщение о мнениях, вопросах и неясностях, которые возникли в шести СХПК округа Науэн», 14 августа 1964 г.; BLHA, Bez. Pdm. Rep. 530, Nr. 2865, «Отчет от 9.10.1963 о достигнутых к настоящему моменту результатах предвыборной борьбы».
- 45 Этот момент подробно прояснили участники конференции «Армия, государство и общество в ГДР: области исследований, результаты и перспективы» (Потсдам, 18–20 марта 2003 г.), материалы которой были изданы в 2004 году (Hrsg. von H. Ehlert und M. Rogg).
- 46 Предшествующая фраза цит. по: *Jessen R. Mobility and Blockage during the 1970s // Dictatorship as Experience: Towards a Socio-Cultural History of the GDR / Ed. by K. Jarausch. New York, 1999. P. 346.* О молодежной политике в ГДР 1960-х годов см. специальную работу: *Wierling D. Die Jugend als innerer Feind. Konflikte in der Erziehungsdiktatur der sechziger Jahre // Sozialgeschichte der DDR. S. 404–425; Idem. The Hitler Youth Generation in the GDR: Insecurities, Ambitions and Dilemmas // Dictatorship as Experience. P. 307–324; Poiger U. Jazz, Rock, and Rebels...*
- 47 Цит. по: LAB-BPA IVA4/03/088, «Оценка развития сознания рабочего класса и граждан различных слоев населения в городском округе Лихтенберг», 23 сентября 1963 г., 1–2; LAB-BPA IVA4/06/098 «Отчет в секретариат партбюро», 16 ноября 1964 г., 4. Ср. также LAB-BPA IVA4/08/096, «Оценка развития социалистического сознания в городском округе Вайсензее», 10 января 1967 г., 16–17.
- 48 *Wierling D. Die Jugend als innerer Feind. S. 408.*